Ключи ушедшего бога

Автор:
Юлия Фирсанова

Ключи ушедшего бога

Юлия Алексеевна Фирсанова

Если Смерть смотрит на тебя из зеркала и заводит разговор о загадочном даре – это не беда. Проблемы начнутся, когда Смерть возьмется «по блату» устраивать твою жизнь. Другой мир, другое тело, прежний талант видеть «печать скорой кончины». А в нагрузку пестрая компания спутников и предсказание пророка-алкоголика, толкающее на поиск странных артефактов ушедшего бога. Остается лишь гадать, чем все обернется. Пятеро пускаются в путь, каждый лелеет свои мечты, но у Судьбы свои правила.

Юлия Фирсанова

Ключи ушедшего бога

Моим шкодливым дочуркам Элине и Елене, неизменному источнику тревог, радости и вдохновения, посвящается

Пролог

Болело все, кажется, даже волосы в прическе. Или это шпильки впились в кожу? Пахло чем-то знакомым, сильно и тошнотворно сладко. Неужто кровью? Апатия, качавшая Кимею на волнах безразличия, резко схлынула, и стало жутко до одури. Мужества взглянуть и проверить девушка не находила. Память

возвращалась яркими картинками и звуками…

– Немедленно! Я желаю прогуляться! – Капризный пронзительный голосок принцессы Симелии перекрывает смущенное бормотание старшего конюха. – Я беру коляску! Живее! Ее вдовствующему величеству заложите другую! Ким, Кирт, Керт, живо, бездельники! Альт, ап!..

Ветер треплет волосы.

– Быстрее, еще быстрее, Тимас! – командует Симелия парнишке-кучеру.

Хриплым басом лает здоровенный пес. Принцесса заливисто смеется. Она всегда так: настроение – качели. То в крик, пунцовеет от гнева, то веселится. Младшей балованной красавице-дочке с золотым водопадом волос король Ламильяна прощает почти все, исполняет любую причуду.

– Еще быстрее! Быстрее! А-а-а-а!..

Колесо подскакивает на выбоине, мелкий камешек вылетает из-под копыт, отскакивает от соседнего и бьет лошадь в нос. Черный жеребец встает на дыбы, задевает другого вороного, постромки рвутся, как бумажные, упряжь рассыпается кусками, будто заколдованная, коляска с разгону устремляется с обрыва вниз.

Грохот, крики и темнота…

Теперь, кажется, посветлело. Только не было сил не то что пошевелиться – даже поднять ресницы. И болело… невыносимо болело все тело, сознание мутилось, уплывало. Старческое хихиканье над головой, в котором сквозили отчетливые нотки безумия, вновь вырвало девушку из полусна-полубреда. Боль с утроенной силой накинулась на израненное тело, терзая плоть алчным зверем.

– Умираешь, деточка, – без сочувствия, скорее оглашая вердикт, снова хихикнул старик. Рассмотреть ничего толком не получалось. Корка то ли слез, то ли крови крепко склеила ресницы. – И мальчики помирают. Остальные-то уже ушли за

грань мира. А вы еще цепляетесь, крепенькие. Кровь-то я покуда затворил. Поиграть, что ли? Не зря ж меня зов Ольрэна сюда кружным золотым путем приволок? Может, в том его умысел сокрыт?.. Хочешь жить?

«Хочу ли? Не знаю, если все время будет так больно, то нет», – хотела ответить Кимея, но из горла вырвался лишь невнятный сип.

– Хочешь, – почему-то решил для себя безумный старик. – А вы, ребятки?

Клокочущие хрипы откуда-то слева стали ответом. Сумасшедший тоже услышал и довольно захихикал, шаркая и бормоча под нос:

– Согласие дано, тела еще теплы! Ха-ха-ха! Во славу Ольрэна! Тебе, Переменчивый! Тебе, Ушедший, но не забытый! Из восьми три слепить, метаморфозам быть!..

Какие слова говорил старик дальше, Кимея не поняла, они вообще не походили на слова, скорее на вой ветра, грохот камней, клокотание бурлящей воды. Боль в теле нарастала. На саднящее лицо с размаху шлепнулась теплая тряпка, некая сила вздернула и закрутила девушку в пространстве. Дикая мука накатывала волна за волной, сознание уплывало, но за миг до блаженного небытия всю суть Кимеи прошила новая молния страданий, такая резкая, что глаза широко распахнулись. Всего на миг, отпечатывая жуткое видение.

Хохочущий старый безумец в рваной грязной хламиде, воздевший вверх руки, огненные всполохи, срывающиеся с его пальцев и бьющие в саму Кимею, в пару мужских тел на высоких плитах поодаль и в окровавленную мертвую груду, единым комом сваленную посреди пещеры. Лошади, пес, парнишка-кучер, девичье изломанное тело с кровавой маской вместо лица и водопадом золотых кос… И еще более яркая вспышка, не молния даже, второе солнце, затопившее светом все вокруг, и громовой веселый шепот, раздающийся отовсюду:

– Одобряю, изменяю! Искажаю! На свой лад меняю! Эта кукла скучна, сменим начинку, веселее станет она!

Потом тьма окончательно затопила сознание. Личная горничная принцессы приняла беспамятство как благословение Первоотца и Первоматери, дающее долгожданную свободу от мук. Ее душа легким перышком вылетела из

измученного тела и устремилась к манящему свету вечности.

Глава 1

Начало и конец, или Конец и начало

Еще классик утверждал, что тяжелые предметы ни с того ни с сего на голову не падают. Предопределение, судьба, рок – красивые слова, много пафоса. А толку-то? Рассчитываешь, планируешь, работаешь, а в один непрекрасный день – бац! – конечная, слезай. Приехали! Но бывает и по-другому. Случается, по воле одного Шутника (с большой буквы «ша») получаешь вместо места на облаке с арфой или сковороды (хотя на место в горячем цеху я вроде нагрешить не успела) кое-что иное.

Впрочем, обо всем по порядку, чтобы не пришлось десять раз повторяться.
Я вообще создание местами ленивое. Нет, была работа – делала, но сама себе занятие отродясь не искала. Даже к пыли дома спокойно относилась. Назначен день уборки – пятница, тогда и вытирала, а в другое время руководствовалась принципом «пыль на своем месте лежит, и я полежу».

То ли дело мать с сестрой. Нет, к родным я привязана, но все портила их прогрессирующая год от года мания чистоты. Умные люди с психологическим образованием называют это акцентуацией на педантизме или вовсе застреванием. Родичей этот «сдвиг по фазе» полностью устраивал. Мне же, как только смогла заработать на съем жилья, пришлось ради сохранения нервных клеток линять из отчего дома, теряя тапки. Только на съемной квартире вздохнула спокойно. Всех тех, кого не устраивал порядок в скромной двушке, ласково посылала лесом на хутор бабочек ловить.

Сама-то я вообще повышенным человеколюбием никогда не страдала. Природу: воду текучую, небо, траву, горы – обожала с детства, любоваться могла до бесконечности, а людей – нет. Наверное, где-то подсознательно в душе жило предощущение собственного жребия. Потому что любить свою работу – это либо извращение, либо везение, выпадающее редкому счастливчику.

Принято считать, что плохая репутация у числа тринадцать. Как по мне, так шестнадцать оказалось похуже. С этой даты – шестнадцатого ноября, через недельку после того, как мне шестнадцать стукнуло, – и полетел привычный мир вверх тормашками. Я научилась не только смотреть, но и по-особому видеть. Откуда взялся дар или проклятие, понятия не имею. Насколько знаю, в роду у меня ни одной самой захудалой ведьмы никогда не было. А тут засада!

Я стала видеть черные и серые следы на людях. Сначала думала, галлюцинации зрительные или книжек перечитала, переутомилась. Потом начала не только видеть, но и понимать смысл темных пятен. Понадобилась мне для этого пара месяцев и несколько о-очень наглядных примеров. Одного парня, вздумавшего перебежать дорогу на красный свет с банкой пива в руках, размазало парой шальных встречных джипов как раз в те самые пятна. Только теперь они стали красными. Спустя три недели соседа, у которого я видела черноту на груди, увезла «скорая» с инфарктом на носилках, накрытого простыней с головой.

Вот тут до меня и дошло: черные следы – это отпечатки смерти. Я не стала тогда истерить. Впрочем, воображать себя мессией и, перекраивая реальность, рваться спасать всех сирых и убогих тоже не ринулась. «Пункт назначения» смотрела, прониклась. Если суждена тебе смерть, то не беги, умрешь уставшим.

Первым делом я, конечно, оглядела своих родных (мать, старшую сестру, папку) и, не найдя черных пятен, сосредоточилась на учебе. Средняя школа, химия, физика, математика – было о чем поволноваться и без отпечатков смерти.

Я жила, как живется, до тех пор, пока не увидела на Лешке, своем однокласснике, у которого собиралась списывать завтрашнюю контрольную, черные метки по всему телу. Тогда я жутко разозлилась на дурня, собирающегося погибнуть, на саму смерть, на глупую ситуацию и даже на саму себя. Взбесило осознание: вижу, а изменить ничего не могу.

Обогнала я Лешку, задержавшегося подымить с приятелями, и пробежала по мостку над котлованом стройки. Взгляд на бетонные блоки с железными штырями на дне заставил меня затормозить у ограждения. Эти штыри и пятна на Лешке… Мостик, который сегодня лежал как-то слишком криво, часть земли с краю осыпалась… Тогда-то у меня в голове щелкнуло! А, была не была! Пойдем против законов, прописанных кинематографом. Я поднатужилась и столкнула мостик вниз. Грохот был, треск, парни-курильщики прибежали, матерились удивленно, а я стояла и смотрела, как исчезают темные пятна на однокласснике.

Физику у него сдула на «отлично». Тогда-то и поняла, что темные пятна – это не окончательный приговор, а лишь указание на вероятность конца. Тем же вечером случилась та странная встреча. ОН пришел ко мне, проявившись прямо в зеркале коридорного трюмо.

В преддверии выходных родители с сестрой подались на дачу, оставив меня в квартире одну. Я расчесывала на ночь волосы и думала об оценке за свою честно списанную контрольную. В какой-то миг поняла, что вижу в зеркале не лохматую брюнетку в халате с щеткой наперевес, а его. Невзрачного лысоватого мужичонку в потертом коричневом пиджачке с черными кожаными заплатками на локтях, в несвежей белой рубашке, вытянутых на коленях брюках и со стареньким рыжим портфелем без одной защелки.

Пугаться такого невозможно, поэтому я растерянно ляпнула, тыкнув щеткой в зеркало:

– Ты кто?

– Смерть, – буднично признался мужичонка.

– Не похож, – выпалила я, прежде чем сообразила, что беседа с галлюцинацией не является признаком душевного здоровья. А уж если глюк тебе отвечает, то пора сдаваться в руки специалистов.

– Можно так, – скопировал тип из зеркала мое движение, тыкнув пальцем в зеркальную преграду. Изображение пошло волной.

Лысый дядька на миг обернулся скелетом в импозантном черном плаще с капюшоном, застегнутом на серебряный череп-фибулу. В правой костистой руке лежала сакраментальная коса, зловеще отливающая черным серебром.

– Теперь соответствую имиджу?

Я завороженно кивнула, а ОН снова стал внешне безобидным типчиком со стареньким портфелем.

– Гадаешь, зачем пришел?

– Если Смерть, то, очевидно, за мной. С другой стороны, если до сих пор жива, то, наверное, все-таки чего-то не понимаю.

– Я всегда прихожу познакомиться с заступающими последнюю дорогу, – ответил мужичок. Причем последние три слова сказал так, будто их следовало писать с большой буквы каждое и жирным шрифтом. «Заступающими Последнюю Дорогу» – вот так!

– То есть лично устраняешь? – опасливо уточнила я.

Смерть же с портфелем стоически вздохнула, материализовала себе в зазеркалье кресло, снаружи нигде не проявившееся, уселась с комфортом и принялась объяснять.

Оказывается, большинство (да что большинство – практически все люди!) изредка чувствуют дыхание Смерти за спиной. Но избежать гибели, если она почти предрешена, зачастую не способны. Своими метаниями они, как в старом анекдоте, наоборот, приближают конец, специально мостят дорогу к могиле. И лишь редкие зверушки-мутанты по прозванию Заступающие Последнюю Дорогу имеют возможность уйти сами и играючи спихнуть с последней дороги других. Они инстинктивно чувствуют, что нужно сделать, чтобы Смерть осталась с носом.

Тут я не утерпела и вылезла с вопросом, зачем Смерти давать инструкции тому, кто у него (или у нее), можно сказать, хлеб отбивает. Оказалось, не все столь однозначно. Заступающие не в силах увидеть метку смерти на тех, чья жизнь без вариантов окончена. Именно такие, однозначно обреченные, – самые удобные клиенты. Остальные же, кто мог жить, но все-таки умер, требуют от Смерти дополнительных телодвижений. А кому нужна лишняя работа? Понятное дело, никому, будь ты хоть обычный человечек, хоть персонифицированное явление. Так что во мне Смерть увидела средство облегчения собственного жребия. Потому и поторопилась явиться с инструкциями, едва я единожды проявила умение.

Далее последовала лекция о том, как лучше видеть обреченных, сталкивать их с пути, ну и тому подобное. Так скучно нам даже физику не объясняли. Только потому я и поверила в происходящее. Снящаяся мистика и галлюцинации настолько занудными быть не способны по определению. Мозги мне лысый с

портфелем полоскал больше часа. Под конец я озадачила работодателя личными соображениями:

– Стоило ли мне столько мозги полоскать? Многого все равно сделать не смогу. Мне сейчас вообще никто не поверит. «Онижедети» звучит как заклинание массового отупения. Позже, если о способностях трепаться стану, то или в психушке окажусь, или под колпаком у спецслужб. Ни того ни другого не желаю. Нет, чисто теоретически людей мне жалко, но ломать себе жизнь ради высшего блага?! Это в Хогвартс к ДДД и Потному Гарику.

– Делай то, что можешь. Твой дар будет неосознанно притягивать тех, кто пожелает изменить свой путь. Кроме того, будущее Заступающих Последнюю Дорогу изменчиво. Вместо закрытых путей обычно открываются многие другие… – Впервые за все время беседы Смерть скупо улыбнулась, будто знала обо мне что-то такое, подпадающее под нехорошее словечко «сюрприз». Знала, но делиться не спешила.

– А какие-нибудь бонусы за работу полагаются? – практично уточнила я.

– Я похож на Деда Мороза? – удивился собеседник.

– Одно лицо, только без бороды и красного халата.

– Тогда и глупых вопросов не задавай. Кармой зачтется, – закрыла тему Смерть.

Очередная, на сей раз предвкушающая улыбка странного собеседника мне совсем не понравилась. Что он имел в виду, уточнить не успела. Исчез чудак на заглавную букву «эс» из зеркала вместе с портфелем и креслом.

Насчет притяжения клиентов лысый не соврал. Утром, входя в лифт, увидела бледно-серые пятна на груди у старушки-соседки и ляпнула:

– Теть Тамара, вам бы сердце проверить. Пошаливает небось! – И, раньше чем выслушала череду квохтающих жалоб на сердце, печень и другой ливер, увидела, как бледнеют пятнышки на груди старушки.

Стало быть, несвоевременной смертью бабушка теперь не помрет, только в положенный час. Наверное, после моей рекомендации в больницу отправится, и то хлеб. А то она одна живет, помрет невзначай, заселятся какие-нибудь буяны, и будет музыка по полночи нервы трепать. Нет, такой хоккей нам не нужен, уж лучше тихая бабушка, никогда не включающая телевизор после девяти вечера и не водящая в дом чужих дедушек!

Так и повелось. Пятнышки на людях стали привычны, как дождинки в ливень, и так же привычно я стала подбирать способы их устранения. Частенько получалось, порой нет, стопроцентную гарантию во вселенной дает лишь одна контора. Да-да, та самая, с представителем которой я через зеркало имела честь побеседовать.

Словом, шли годы, я окончила школу, поступила в финансово-экономический на бухгалтера. Причина выбора профессии была элементарной: с черными циферками комфортнее, они никогда не пестрят черными пятнышками – знаками смерти. По знакомству (а что и где у нас делается в стране иначе, если можно решить дело через родного человечка?) устроилась бухгалтером в одно не слишком крупное ЗАО. Жила тихо в своей съемной квартирке, читала вечерами книжки, попивая чай, ликерчик или вино с вкусняшками. Мужчинки приходили и уходили, потому что я не желала подлаживаться под них, а они, те, кто хоть что-нибудь собой представлял, – прогибаться под меня. Одной было удобно и спокойно. Уже подумывала завести ляльку от подходящего кандидата…

И тут случился он. Увы, не роковой тип сногсшибательной наружности с миллиардами за душой, яхтой и личным самолетом, а тот самый «кирпич». Вернее, это был не кирпич, а ветка дерева. Большая.

Очередное штормовое предупреждение, привычно бомбанувшее мобильник, обернулось настоящей репетицией армагеддона. Проливному дождю с сильнейшим ветром угораздило разразиться как раз в тот момент, когда я вылезла из маршрутки за два квартала до дома. Увы и ах, до подъезда у нас только такси возит. Но в такой час его все равно не дождешься – звони, не звони. Не ночевать же на работе!

Сильнейший ветер, при котором зонтик, если хочется поберечь спицы, даже открывать бесполезно, оказался «приятным» бонусом к жесткому массажному душу сверху. Вернее, при таком ветре душ стал душем Шарко. Лил, по-моему,

даже снизу, а не только справа, слева, спереди и сзади. Промокший до нитки и замерзший человек – проверено на себе – враз утрачивает способность к критической оценке происходящего. В голове остается одна мысль: скорее домой, скинуть мокрую одежду и в горячую ванну, а внутрь – чаю с коньячком. Или даже просто коньячка!

В чавкающих мокасинах я катером на воздушной подушке рассекала громадную лужу, в которую превратился двор. Говорят, что простота хуже воровства, а сейчас убедилась, что заасфальтированный двор хуже нуждающегося в ремонте. Обычно основная вода скапливалась в выбоинах, оставляя пространство для маневра опытному горожанину. Сейчас же аш-два-о была везде, как первичный океан в первые миллионы лет зарождения жизни на Земле. Зато перед горожанами не стояла проблема выбора пути. Какая разница, где идти, если везде воды выше щиколотки?

Пока я философствовала на бегу, дверь подъезда пиликнула, и из сухого его нутра к газону бросились Макс и Миша. Максу было шесть, Мише – семь лет. Первый являлся здоровенным черным терьером выставочного экстерьера. Второй – мелкий и юркий – дружелюбным до безобразия и страшно общительным соседом-первоклассником.

Кажется, мальчишке в безразмерном дождевике и сапогах по колено оказаться под дождем было в кайф. Завидя меня, пацан разулыбался от уха до уха, замахал свободной от поводка рукой и звонко заорал:

– Привет, теть Кать! А у Макса понос! Съел какую-то дрянь на помойке! Мы уже три раза выбегали!

Враз вымокший Макс, принимая подобающую случаю позу горного орла, обтекал молча и сосредоточенно, как подобает занятому важным делом уважающему себя созданию.

Я неопределенно пристукнула зубами в ответ на радостный возглас Мишани и невольно втянула голову в плечи – прямо над нашими головами полыхнуло и почти сразу грохнуло небо. Очередной резкий порыв ветра заставил громадный тополь во дворе затрещать. Потом я увидела внезапно выступившие черные пятна на пацане, собаке и, вот дура, дальше действовала рефлекторно – бросилась вперед и снесла хлипкое тельце ребенка с газона, собака

инстинктивно дернулась следом за мелким хозяином. А я уже не успела. Большая ветка – она тот же кирпич, только тяжелее и другой формы. Зачем я это сделала? Наверное, слишком замерзла и мозг отключился. Дура? Дура! Ой дура…

Мир померк, где-то в отдалении раздался задумчивый и очень знакомый голос:

– Я ж говорил, кармой зачтется…

Пришла в себя я резко, от дикой вони. Кровь, потроха (точно как в деревне у бабки, когда курам по осени головы рубили), жженая кость и еще что-то невообразимо противное составляли аромат, шибающий в нос почище нашатыря. Было темно. Лишь чадящий свет пары догорающих факелов размазывал мрак до насыщенно-серого. Справа отчетливо тянуло сыростью. Слева и впереди едва различались предметы, идентификации не поддающиеся. Я улавливала лишь контуры неровного громадного шара и пары сооружений (ящики? бетонные блоки? саркофаги?) с прямыми линиями, поверх которых валялись какие-то длинные мешки.

Во всем организме ощущалась удивительная… нет, блин, не легкость. Тяжесть и онемение! Как в отлежанной за ночь руке. Только я вся была рукой. Мысленно прикинула – двигаться вроде как могу, но с трудом. Тело воспринималось странно, словно засунули меня в грубый скафандр, а перемещаться в нем не научили. Попытавшись пошевелиться, я лишь едва заметно дернулась и зашипела сквозь зубы от возмущения.

Спустя несколько секунд послышался мужской хриплый голос слева, со стороны «ящиков и мешков»:

– Ким, лапуля, ты никак жива?

В ответ хрипуну никто не отозвался. Я снова злобно запыхтела, пытаясь заставить тело если не сесть, то хотя бы поднять руку. Вместо этого дернулась, будто ей засадил молотком по колену садист-невропатолог, правая нога. По всему телу волной прошлись колкие, мерзкие мурашки. Я умерила запросы и еще раз попыталась шевельнуть уже не рукой, хотя бы большим пальцем на левой руке. Вместо него сжалась в кулак и стукнула по чему-то твердому правая

ладонь. Новая волна мурашек-льдинок протопала сквозь тело. Они поселились не только на коже, но и под ней, в нервах, сухожилиях, даже костях. Боли не было, лишь общее неприятное ощущение, дополняемое осознанием полного бессилия. Я словно оказалась участницей шоу «Почувствуй себя перевернутой черепашкой, сто процентов реалистичности погружения в среду гарантировано».

Снова постаралась пошевелить тем же пальцем левой. На сей раз приливная волна мурашек оказалась скромнее, и нужный палец дрогнул, а потом беспорядочно задергался. Будто мозг и организм никак не могли договориться между собой или последний запутался с расшифровкой поступающих сигналов.

От усилий на лбу выступил пот, но я все пробовала и пробовала, злясь от беспомощности, пока наконец сначала правая, а потом и левая руки поочередно не сжались в кулаки, а затем не разжались.

Сердце бухало в груди, как после забега на пять километров, перед глазами плясали стеклянистые червяки и черные точки, но у меня получилось!
Я торжествовала: «Ура, заработало! Сейчас полежу еще немного и займусь ногами!»

Пока боролась с собой, мужчина не унимался. Он, видать, тоже собирался с силами и теперь снова звал:

– Ки-и-им!

Теперь к нему присоединился еще один хрипловатый басок, похожий на первый:

– Ки-и-им?

Пока я соображала, где, что, почему и зачем, сбоку заговорили между собой сразу двое.

– Керт, чего лапуля-то молчит? Неужто язык прикусила?

– А я знаю, Кирт?

– Тут такое творилось, кобылу мне в жены, что как мы себе чего не откусили, а может, и откусили – не разобрать, – прохрипел названный Киртом, почему-то приплетая в речь странные пожелания про лошадок. (Может, он так ругался?) – Голова гудит, словно гуляли в «Веселом путнике», пропивая половину десятинного жалованья. Причем все потратили на горячивку, а не на закусь и девок.

Собеседник ответил ему согласным кашлем. Закашлялся и Кирт. То, что я приняла за длинные мешки на ящиках, подергивалось и трепалось, демонстрируя подобие интеллекта. Точно, там валялись двое мужиков! Один из них, тот самый Кирт, прочистив горло, снова заталдычил, вызывая, как радист, базу:

– Эй, Ким, Кимея, жива? Отзовись, лапуля!

– Парни, не знаю, кого вы зовете, но, по ходу дела, здесь только вы и я. Хотя понятия не имею, где это «здесь» и кто вы, – промямлила я, с трудом ворочая тяжелым, как мокрая тряпка, и непослушным языком.

– Уф, живая! Будь, Ким! – облегченно выдохнул Керт странное пожелание бытия. Это у них вместо «здравствуйте», что ли?

– Ага, будь! Напугала-то ты нас, Ким! А что память отшибло – не беда, отлежишься чуток, полегчает, – раздался радостный басок того самого трепача Кирта, только что вещавшего про выпивку, лошадок и девок.

– Лежи покамест, не вставай, – дельно посоветовал первый, прозываемый Кертом.

– Стало быть, мы с тобой, братец, и Ким – тут. Осталось понять, где Тимас и Симелия с Альтом. Песьего бреха не слышно, кучера тоже не слыхать. Если ее высочество где-то визжит, требуя нас, то чем скорее мы найдемся, тем выше шанс не нарваться на штраф, – опять начал вещать разговорчивый Кирт.

– Может, я головой сильно шибанулся, только последнее, что помню, – как коляска принцессы с обрыва летит. Дальше грохот, боль и темнота, – прокашлял Керт.

Пока они беседовали между собой, я гадала, почему эти деятели упрямо принимают меня за какую-то Ким или Кимею?

– Тогда мы с тобой, Керт, в одном месте головой бились, я тоже про обрыв помню, – озадаченно протянул Кирт. – Ким, лапуля, ты чего последнее помнишь?

– Грозу и ветку дерева, которой меня придавило. Кстати, мужики, меня Катерина, Катя зовут, так что по-любому скорее Кэт, чем Ким, – сварливо буркнула я и попыталась поднести пальцы к вискам.

Синхронно обеими руками разом я шевелить еще не пробовала. Этот подвиг отозвался очередным шествием ледяных колких мурашек, в строй к которым беспорядочно затесались их огненные подружки. Голову прошил такой чудовищный болевой разряд, что, кажется, я отключилась ненадолго или заснула. Разбудили меня шорох, буханье подошв, скрежет по камням, стук и почти синхронные матюги. Странные матюги, через слово поминающие мечты о кобыле в жены, экскременты и половые органы некоего отца и чьей-то матери. Послышался ритмичный стук. Потом сразу стало светлее.

Запылали два факела в лапах – руками эти конечности назвать язык не поворачивался – двух здоровенных шатенов. Плечистых, высоких, похожих друг на друга, как отражения в зеркале. Весьма потрепанные, пыльные, грязные и окровавленные отражения. Впрочем, при всей внешней обшарпанности безобидными мужчины не выглядели и на простецких Ванек из техникума не тянули. Слишком четкой лепки черты лица, губы – не лепехи, брови ровные, да и носы не картошки, а вполне четкие. «О, – сообразила, – эта парочка напоминает итальянцев, очень хорошо питавшихся в детстве «Растишкой», лишенных обычной кудрявости и чернявости».

Едва факел осветил меня, заставив зажмурить глаза, как «двое из ларца» синхронно подались назад и сконфуженно поклонились.

– Ваше высочество Симелия! Будьте! Простите, мы ваш голос с Ким спутали. И платье с прической у вас отчего-то сходны стали, вот и не признали сперва… – торопливо забормотал первый, кажется Кирт. Второй стоял молча.

– Уже сказала, что я не Ким и никак не Симелия, а Катя, – раздраженно огрызнулась я, прикрывая пятерней заслезившиеся от близости факелов глаза.

Рука двигалась как надо. Подбодренная прогрессом, я осторожно оперлась о ложе второй свободной ладонью и попыталась сесть. Медленно и со скрипом, но удалось.

Кстати, на чем таком твердом и холодном я валяюсь? Эдак и почки застудить недолго. Выяснилось, что на серой и очень холодной каменной плите, твердой, понятно, как камень. Как я тут очутилась? Пальцы привычно ринулись взъерошить шапку кудряшек и застряли в толстой косе. Так, стоп… косе? Откуда взялась коса? Перебросив ее через плечо, впилась взглядом, как в змею. Светлая, почти пепельная! Куда делись мои нынешние кудрявые черные волосы? И пальцы… Где мой маникюр со стразами? Тонкие пальчики с ровными розовыми ноготками безо всякого лака нервически затеребили растрепанные блондинистые лохмы. На запястье красовалась татуировка в виде маленькой не то веточки, не то стебелька с мелкими голубенькими цветочками. Я оставила в покое волосы и поднесла запястье с просвечивающими тонкими ве?нками ближе, чтобы разглядеть картинку. Не мои волосы, не мои руки, не моя татушка. Какой вывод? Это вообще не мое тело!

Ничего удивительного, что оно меня слушаться не хочет. Куда я попала? Куда меня этот лысый хр… хороший нечеловек с косой в зачет кармы засунул? Ответов в гудящей голове, если опустить мат, не было. Но я понимала четко одно: все эти «подарочки» от «не Дедушки Мороза» мне категорически не нравились. Только ему, как и сказочному новогоднему старику, все равно не было смысла предъявлять претензии.

Пока я переваривала стрессовые новости, двое крепких молодых мужиков снова шагнули ближе, озадаченно переглянулись и уставились на меня в полном обалдении. Болтун Кирт потер шею сзади, молчун Керт почесал висок. Ага, стало быть, не только молчаливый, еще, возможно, и умный. Дураки, если верить любительскому мнению о жестах, обычно чешут в затылке.

– Лицо принцессы Симелии. А все остальное: голос, волос, знак выпускницы «Кордесса» на руке, тело и одежда – Кимеи, – методом перечисления выдал наконец причину общего замешательства Кирт.

Чтобы рассмотреть меня получше и еще разок во всем убедиться, он снова поднял факел выше. На ногах парочка стояла покачиваясь, но хоть палками с огнем в меня не тыкала и спалить не пыталась.

То ли от света, то ли от резких движений меня накрыло очередной, самой мощной волной боли. В ушах зазвенело, мучительный стон вырвался сам собой. Тяжесть в голове и теле словно взорвалась, выпуская наружу память. Информационный поток-биография юной Кимеи, личной горничной и наперсницы принцессы Симелии, едва не отправил бедную меня в очередной нокаут. Зато сразу стали понятны глумливые слова Смерти о карме.

Эта нехорошая мужеподобная персонификация старушки с косой каким-то образом ухитрилась вытащить и перебросить мое сознание в чужое тело чужого мира, именуемого Фальмиром. Мира, где жили люди, но действовала магия, правили короли, а боги куда более деятельны, чем полагается сданным в архив пыльным мифам далекого прошлого.

Что теперь? Можно, конечно, негодовать, бия себя пяткой в грудь, и требовать все отыграть назад. Но вот вопрос, а осталось ли от меня там, на Земле, что-то целое и функционирующее, куда можно возвращаться? Судя по размерам той ветки – вряд ли. Будь я живой, Смерть банально не смогла бы ничего сделать. Она только на покойниках специализируется.

Я поморщилась, анализируя последние минуты памяти Кимеи, образ сумасшедшего старика, творящего какой-то ритуал, и отклик на творимое безобразие некоей сущности по имени Ольрэн Ушедший. Кажется, в памяти наперсницы принцессы Симелии этот подозрительный тип проходил в качестве ушедшего и полузабытого бога коварных шуток, метаморфоз и почему-то дверей. Дескать, во власти злого шутника Ольрэна было не только извратить любое сущее, но и распахнуть или затворить какие угодно пути или двери. Если быть совсем точной, на здешнем едином языке Ушедший именовался богом не дверей и дорог, а скорее проходов. Это слово вбирало в себя значение «дверь» и «путь» одновременно.

Ха, для сгинувшего с концами Ольрэн чересчур энергичен и деятелен! Хотя, если он отвечал за проходы, что ему стоило как уйти, так и вернуться, не считаясь ни с чьим мнением? И для меня, блин, организовал такой, то ли при содействии, то ли при попустительстве Смерти с Земли.

Вообще, нежданные возвращения – обычное дело для высших сущностей, если судить по книжкам фэнтези. Их я прочла в изобилии в тщетных попытках найти ответ на вопрос: «Со мной ли одной творится разная потусторонняя фигня или

нас, «счастливчиков», много?». Ответ, конечно, не нашелся, но книжки понравились, увлеклась и почитывала под настроение регулярно. Уже не в поисках истины, а исключительно для развлечения и отвлечения от муторной миссии Заступающей Последнюю Дорогу.

В книгах порой тоже встречались бедолаги, работающие на «старушку с косой» или вообще ее подменяющие. Смеялась я тогда до колик. Когда знаешь, о чем речь, со стороны все так забавно выглядит, даже если автор не собирался читателей на «ха-ха» пробивать. Досмеялась, ага, теперь можно и поплакать, когда на мне типичный рояльный метод решения проблемы главного героя – попаданство – использовали. Ну лысый, ну удружил…

От чужой памяти голова раскалывалась, как кокосовый орех под топориком аборигена с тропических пальмовых островов. Я с трудом присела и энергично помассировала виски. Вроде бы тело начало слушаться и уже не напоминало ощущениями древний скафандр водолаза для глубоководных работ. Теперь оно больше походило на новый костюм из грубого льна, не поддающийся глажке, которому еще предстоит обмяться и сесть по фигуре, то есть по душе.

Рядом смирно отсвечивала факелами и неуверенно переминалась с ноги на ногу или пошатывалась парочка мужиков. Кирт и Керт – телохранители с отличными рекомендациями из «Серого щита», специализирующиеся на охране и усмирении буйных порывов вздорной принцессы Симелии. Если сиротку Кимею из древнего нищего рода дрессировали в «Кордессе», пансионе для камеристок, горничных и наперсниц высшей категории, то щитовики тоже числились элитой среди своих, телохранителей-наемников. Выпускников этого учебного заведения разбирали как горячие пирожки представители самых знатных фамилий Фальмира. Если же кто из щитовиков не хотел заключать постоянный контракт, то отлично зарабатывал на разовых. За десяток лет ударно-защитного труда сколачивалось небольшое состояние. Папочка-король Ламильяна покупал для своей балованной младшенькой дочурки самое лучшее из вещей и людей.

Собратья и сестра по присмотру за златовласым несчастьем, Кирт, Керт и Ким, состояли если не в дружеских, то в приятельских отношениях точно. Общие проблемы, знаете ли, сближают сильнее совместных попоек. Трое коллег по нелегкой миссии неплохо знали друг друга. Хорошо, что я врать мужчинам, притворяясь Кимеей или Симелией, не стала. Смену личности те почуяли бы сразу. Я решила и дальше от щитовиков ничего не скрывать. Не открутят же они мне голову только за то, что я – это я, жертва произвола всяких темных

сущностей и богов? Никто из пары Кирт-Керт глупостью и жестокостью не отличался. В конце концов, мы в одной лодке, то есть на одном алтаре всяким извращенным экзекуциям подвергались.

Сейчас щитовики всего лишь хотели знать, кто я. Блин, да я, если уж говорить начистоту, и сама бы не отказалась. Судя по всему, старый маг-маразматик, движимый прихотью, вдохновением или личной шизой, нацепил на покалеченную горничную лицо мертвой принцессы. А его не менее гениальный призванный бог добавил в этот кровавый коктейль душу попаданки. Ладно хоть на память отлетевшей души Кимеи кто-то (местный Ольрэн или моя знакомая Смерть) расщедрился. Не придется тыкаться на ощупь в местных реалиях, как слепой котенок в поисках мамкиной титьки.

– Керт, Кирт, повторяю, я не Симелия и не Кимея. На татушку и прочие приметы не смотрите. Когда коляска упала с обрыва, вы все угодили в руки безумного мага, – хрипло прошептала я. – Старик провел ритуал, призывая Ольрэна, ушедшего бога метаморфоз. Тот заглянул на огонек. Не знаю, что он сотворил с вами, но та девочка Ким, которую вы знали, нынче умерла в пещере. На ее искалеченное лицо прилепили физиономию принцессы Симелии. Ее тушка сзади в общей груде валяется, Ким видела. Мою же душу выдернули из умирающего тела в другом мире. Душа Кимеи хотела уйти от мучений и ушла, а память осталась. Такая вот окрошка.

Взгляды темных глаз, в полумраке пещеры казавшихся черными, снова скрестились на мне. Секунда, другая, третья… мужчины снова переглянулись, обернулись назад и подсветили получше указанный ком мертвой плоти. Меня затошнило. Окровавленное девичье тело без лица, изломанные лошади, здоровенный черный пес, похожий на Макса, хрупкий парнишка-кучер, выбранный принцесской за смазливую мордочку и знание лошадей, – инсталляция вкупе с запахами вдохновляла лишь на прочистку желудка.

Помилосердствовав, телохранители описали факелами знак круга, перечеркнутого по косой в нижней трети, – символ Первоотца. Сотворив, таким образом, ритуал прощания с ушедшими, они снова вернулись ко мне, смещая факелы и скрадывая жуткую груду в тенях.

Глава 2

На дне, почти по классику. Рекогносцировка

– Как-то вечерком слышал в трактире «У стены» старую песню-легенду. Очень пьяный бард пел о безумном жреце-маге, чьи преступления неисчислимы и смертный приговор которому подписан едва ли не в каждом уголке Фальмира. Служители Первоматери приговорили его к сожжению заживо, блюстители долга Первоотца – к котлу с кипящим маслом, а жрецы-псы Дагонта Законника-Очистителя – к четвертованию. Йорд Седой Отступник, презревший богов нынешних, продавший душу Ольрэну за бессмертие и могущество, – так называл бард того безумца, – припомнил Кирт.

«Надо же, – отметила я памятливость и наблюдательность щитовика. – Небось и сам тогда в дрова пьян был, по трезвяку такие песни не поют и не слушают, а запомнил. Выходит, телохранитель не только языком треплет, но и других слушать умеет».

– Вот, стало быть, в чьи лапы мы угодили к добру или к худу, – задумчиво крякнул Керт.

– К добру? – аж поперхнулся от возмущения Кирт.

– Не появись Отступник здесь, в ущелье лежали бы наши трупы, брат, – резонно пояснил разумник Керт.

– М-да, – крякнув, вынужденно согласился Кирт и сумрачно продолжил мысль напарника: – Не только бедолаги Тимаса и Симелии, но и твой, мой и лапули Ким. А так вот они мы, живехоньки и целы. Я – это точно я, ты – это ты…

– А Ким? – невольно настороженный взгляд Керта метнулся в мою сторону.

Я напряглась. Вдруг меня сейчас в четыре руки убивать станут, как того Йорда?

– Ким не повезло, – философски констатировал Кирт, не предпринимая никаких агрессивных телодвижений, и добавил, сделав еще один знак Первоотца факелом: – Жаль лапулю, пусть идет в светлые объятия Первоматери, как того и желала, но нам-то всем жить.

– Что предлагаешь? – справился о мнении брата Керт, начиная рассуждать вслух: – С одной стороны, тело ее высочества надо бы отцу доставить…

Я же, пользуясь данными из памяти горничной, его перебила:

– Надо драпать, и поскорее!

– Согласен, кобылу мне в жены! – решительно выпалил Кирт со своим обычным ругательным присловьем. – Бежать, и быстро. Смерти Симелии нам не простят, а уж если следы ритуала почуют и найдут, то гореть, плавать или на куски быть разорванными вместо Йорда мне вовсе не мечтается. Никто разбираться не будет, как мы уцелели. Ты с нами, лирта с лицом принцессы, памятью Ким и душой незнакомки?

– Куда ж я с подводной лодки, лирты! Будьте! – согласилась я, припомнив, что бесконечные пожелания бытия – здешний аналог приветствия, а лирт и лирта – обычное обращение к мужчинам и женщинам Фальмира. – Тикать так тикать, только с этого каменного одра слезть помогите, пока совсем не простыла. Апчхи! Меня шатает, как пьяную, и голова болит.

Вопрос о присоединении к компании телохранителей, или по-здешнему щитовиков, для меня вовсе не стоял. Куда я одна, тощая недомога с неотсортированной грудой чужих воспоминаний о чужом мире, подамся? Плохо мне, защитить себя не способна, одна надежда на парней. Подлости от них Кимея не видела, лишь помощь. Доверюсь! Другого выхода все равно нет.

Кирт легонько сдернул меня с плиты и небрежно поддержал, давая ногам привыкнуть к тяжести чужого-своего тела. Кимея, в отличие от моего прежнего тела с приятными округлостями, оказалась тушкой с цыплячьим весом и формами стиральной доски. Похоже, всех достоинств у девчонки, заморенной пансионом и нервной работенкой, и было что светлая, почти пепельная, коса толщиной в руку да серо-голубые глазки с длинными ресничками. Нет, покойница Симелия садистскими наклонностями не страдала, ни разу не подняла руку на компаньонку или слуг, но ее капризы доставали людей почище изощренной пытки.

– Кстати, куда мы будем драпать – раз, и на какие шиши – два? – переадресовала я паре спутников актуальные практические вопросы. – У меня в карманах пусто,

даже безделушек на продажу нет. И одежда у нас у всех драная, испачканная в крови.

– Нам скрываться, а Симелии уже все равно, – резюмировал Кирт и, воткнув факел в трещину плиты, двинулся к трупам, не просто сваленным, как теперь виделось четче при новом ракурсе освещения, а словно скатанным в единый рыхлый ком каким-то маньяком. Будто некий великан за неимением снега вздумал поиграть в снежки из мяса. Брр!

– Украшения не трогай, запалить могут, только монеты из кошеля на поясе, – дал профессиональный совет Керт. – Камень поострее подыщи и дыру сделай, все монеты не бери, пару-тройку оставь, будто просыпались.

Я только присвистнула мысленно: это же надо, какое разностороннее обучение у телохранителей в «Сером щите»! Обобрать жертву, чтобы ограбление выглядело натурально, наверное, не каждый сможет. Я бы точно не додумалась. Впрочем, я ни разу в жизни не воровала ничего, кроме яблок у бабкиного соседа в деревне, и трупы тоже обирать не приходилось. Не та эпоха и профессия не та. Бухгалтеры по-другому зарабатывают, если они профи. Правда, мне и на этой ниве до звания мастера еще было пахать и пахать. Видала я таких спецов, что от любой проверки отбиться играючи могли, все данные в голове держали и любой отчет у них цифра к цифре с первого раза сходился.

– Снаружи подожду, – торопливо пробормотала себе под нос, и пока мужчины обирали трупы, я по стеночке, по стеночке, сдерживая рвотные позывы, двинула вперед. В сторону свежего влажного ветерка, долетающего от входа в пещеру. Шла навстречу неумолчному шуму, который способна издавать только текущая вода.

Небольшой коридор выводил за нагромождение камней в ущелье, ловко скрывающих вход. Я присела на один плоский камень и, вытащив гребешок, принялась переплетать растрепавшиеся до состояния мочалки волосы. Руки двигались сами, ловко разбирая пряди, я осматривала окрестности.

По дну ущелья, метрах в трех от валунов входа, мчался резвый поток. Не ручеек, уже речушка, перейти вброд и перескочить с разбегу не получится. Чай, не кенгуру! Взбираться наверх по камням на высоту трехэтажного дома как-то тоже не хотелось. М-да, если это награда за карму, то какая-то очень похожая

на наказание. Всей награды – летняя пора попаданства. От холода не загнусь в сугробе. Плюс пара мужиков рядом, которые не рвутся незваную вселенку придушить и с расспросами про другой мир не лезут. Чего лезть-то? К срочным вопрос не относится. А если историю Фальмира вспомнить, все здешние – потомки тех, кто когда-то откуда-то пришел или был приведен богами.
О множественности миров тут знают, хотя вроде как последние века про гостей снаружи ничего не слышно. Но это Ким не слышала, она вообще нелюбопытной девчонкой была…

А вот про «не придушить» – уже занятнее. Почему не рвутся? Вдруг я не обычная бедолага-гостья, а могущественный злобный дух, занявший бесхозное тело? Или щитовики – это… агностики? А может, даже демонопоклонники? Правда, Кимея ничего такого припомнить не могла. Вроде братья Первоотцу молились, при мне его символы выписывали. Что ж, если мужики по демонам, то их ждет большое разочарование. На суккуба я точно не тяну, особенно в этой заморенной тушке. И вообще, бухгалтер обычно имеет клиенту только мозг!

Я доплела косу, вернула гребешок в сумочку, а шпильки – в прическу, закрепляя косу корзиночкой сзади. Мысли перескочили на другое. Интересно, где коляска навернулась с обрыва? Там бы тоже пошарить неплохо. Жаль, обломков не видно. Старый безумец неслабым магом оказался, если смог нас всех до пещеры доволочь и следов не оставить.

Шаги сзади прервали размышления и созерцание воды. Увы, последнее никак не способствовало решению проблемы с переправой. Кирт и Керт выбрались наружу с неплохой добычей. Монеты из кошелька принцессы они честно разделили на троих. Я взяла только три серебряных кругляша на всякий случай и спрятала в махонькую сумочку на поясе, с гребешками и заколками. (Кошелек Кимея постоянно при себе не таскала, лишь когда собиралась в лавку или на торг, деньги брала.) Остальные монетки вернула Кирту – трепачу, но более домовитому, чем брат.

Хотя насчет кровных уз… Они пусть и похожи внешне, как близнецы, но приходятся друг другу не родными, а двоюродными. В «Сером щите» из парней специально пару одинаковых с лица и фигуры лепили в интересах заказчиков, преследуя две цели разом: услаждение взора клиента и приведение в замешательство потенциальных врагов.

– У вас целее денежки будут, – обосновала я передачу монет и вопросительно посмотрела на парней. Кажется, собратья по несчастью от меня чего-то ждали.

– Лирта Ким… или Кат… – запнулся и окончательно запутался с именами Кирт, принимаясь ожесточенно чесать шею сзади.

Да уж, «кат». Палачом меня еще не называли, неприятные ассоциации возникают, если вспомнить о проклятом даре Заступающей Последнюю Дорогу. Нет, зваться Кат категорически не желаю!

– Пусть будет не вашим и не нашим – Кит, лирты, – вздохнула я, смешивая имя ушедшей девушки и свое собственное, словно ставила его порогом новой жизни. Жили-были бухгалтер – раз и горничная – два, а потом пришла за ними Смерть, чуток пошутил ушедший бог – и получилась диковинная зверушка под номером три.

Щитовики кивнули (на Фальмире кивки больше походили на наклон головы вбок), сочтя знакомство состоявшимся.

– Плюс давайте без особо вежливых расшаркиваний. Память Ким при мне, я вас отлично помню, будто и впрямь дружила, – вздохнула я, потерев лоб и остро жалея об отсутствии возможности поскрести мозги, закипающие от усваиваемой информации. – Чего хотели-то?

– Кровь мы с одежды и сами замоем, а вот подлатать… У Тимаса нитки с иглой нашлись. Справишься?

– Кто ж его знает? – честно призналась я. Швеей на всю компанию мне горбатиться совсем не улыбалось. Как-то я все больше головой, чем руками, работать привыкла. С другой стороны, щитовики меня не заставляли трупы обыскивать. Там бы я точно не пригодилась. Бу-э-э! Поэтому честно постаралась объяснить причины замешательства: – В своем прежнем теле с иглой обращалась редко, но если мышечная память Ким сохранилась, а она вроде знала, с какого конца иглу держат, можно попробовать.

– Давай, у нас всяко хуже выйдет, – попросил Кирт и неожиданно резко поднял планку требований: – Сделай знак Первоматери.

– Эй-эй, запросы-то поумерьте! – пришлось сразу уйти в отказ. – Вышивать быстро ни я, ни Ким совершенно точно не способны.

– Не иглой, рукой, – поправил брата Керт.

– Так? – Я вытянула указательный палец и естественным для тела жестом изобразила в воздухе не то трезубец, не то вилку, символизирующую трехлепестковый цветок – символ богини.

Лепесточки привычно для Ким и совершенно дико для меня-Кати, не привыкшей к божественным спецэффектам, проблеснули по контуру нежно-розовым.
С задержкой пришло и запоздалое понимание: знак Великой матери, именуемой также Первоматерью, светился только у женщин, то есть у всех, так сказать, лиц женского пола. У девочек он беленький, у девушек – розовый, у женщин – лиловый, у старых и бесплодных – фиолетовый. Такая вот цветовая градация. Что интересно, Первоотец, он же Всеотец, в отличие от Великой матери, свой знак – меч-щит (это его недавно парни над трупами рисовали) – подсветкой при каждом применении обеспечить не сподобился. Верным приверженцам он, если верить жрецам и молве, даровал в качестве изъявления милости прилив сил. Но ведь и моды на проверку мужской девственности я ни в одной книжке не встречала. Везде дискриминация!

Мужики после розового проблеска облегченно выдохнули. Часть сдерживаемого напряжения из тел ушла, так же как и шаловливые пальчики подальше от пояса с оружием убежали. Это как? Меня все-таки в чем-то подозревали и испытывали? Ну и ладно, доверяй, но проверяй – принцип хороший, выдержавший испытание временем и, как показывает практика, мирами.

Снова устроившись на нагретых за день, поэтому теплых и сухих камнях, подальше от воды, я принялась проверять координирование швейного навыка Ким с задаваемой новой хозяйкой программой действий. Волосы переплести смогла, значит, и с иглой, по идее, должна совладать.

Кирт и Керт, как обещали, занялись стиркой окровавленных вещей. Студеная горная речка для такого подходила идеально, если бы не риск навернуться на мокрых камнях и заработать простуду от низкотемпературных ванн. Однако парочка бывших телохранителей принцессы в себя пришла быстро и теперь скакала ловко, как парочка горных козлов, ничуть не смущаясь ледяной воды и

крутизны камней.

Мне повезло – Ким поломало в полете с обрыва удачно, если к подобному вообще применимо слово «удачно». Кровь компаньонов по несчастью ее не замарала, а своя обильно натекла лишь с головы и вся оказалась на плаще. Его телохранители тоже отыскали в груде тел и теперь замывали наравне со своими вещами. Я же, разложив перед собой маленький походный набор кучера из пары игл и одной катушки с нитками трех цветов (белый, серый, черный), медитировала над композицией. Швейный школьный опыт на уровне «четыре в дневник, три в уме» заставил обратиться к моторной памяти Кимеи. У той с иголками в пансионе была полная гармония.

Одним глазом на текущую воду, вторым – на влажную рубашку с полуоторванным рукавом, вдох-выдох. Тук-тук-тук! Ручки, давайте подключайтесь, вас ждет работа, а ты, не в меру умная голова, не мешай! Пальцы потянулись к серой нити, отмотали, продели, ап! Дальше я, как жертва ОРЗ, которой дали средство от запора, замерла и боялась кашлянуть: худенькие пальчики Ким заработали ловчее швейной машинки. Минутка-другая – и рукав снова стал частью рубахи без малейшего намека на заявление о миграции.

Я смерила первую за всю жизнь превосходную штопку – ну не из того места ручки росли, не из того – восхищенным взглядом! Во Кимея дает! Вернее, теперь я, за что доставшемуся телу и рефлексам большое человеческое спасибо. Что тощенькая, так ничего, были бы деньги, откормим! А средства-то есть благодаря мародерке братьев-кроликов… Хм, нет! На кроликов они никак не тянут, на сусликов тоже. До медведей не доросли, козлы – оскорбительно, зато на звание волкодавов и черных терьеров вполне претендовать могут. У Макса соседского порой такой взгляд бывал. Опять же самая телохранительская ассоциация получается!

Я подняла взгляд на стирающую парочку и снова умиленно улыбнулась. Еще один повод для радости: не перевесили всю работу на мелкую девчонку, сами по камням карабкаются! И тут же вся радость пропала, осталась мрачная сосредоточенность, потому что я углядела черные пятна на Керте, и мне на миг даже показалось, что в тот же цвет окрасился камень в паре метров от прачек-любителей. Действовать следовало немедленно.

– Керт, Кирт, срочно подойдите по мне! – почти потребовала я. – Вопрос жизни и смерти!

Братья обменялись непонимающими взглядами, но просьбу исполнили без дополнительной дюжины уточняющих вопросов.

– Кит? – сжал ладонь в кулак и резко раскрыл пальцы в мою сторону Керт, используя местный жест – просьбу объяснения.

– Я вам о том, откуда пришла, ничего рассказать не успела, и вы не спрашивали, не до того нам пока, но одно сказать должна, это важно. У меня талант был там и здесь сохранился – я метки смерти вижу, которую отвести можно.

Мужчины слушали не перебивая, хоть глаза от любопытства раскрылись посильнее, а говорливый Кирт чуть язык себе не прикусил, чтоб не перебить.

– Осторожнее на камнях. Ты, Керт, вот на том угловатом, – я ткнула пальцем в нужном направлении, – мог оскользнуться и очень неудачно упасть. Смертельно неудачно, – объяснила я, передавая мужчине зашитую рубаху.

– Выходит, мы с твоей помощью самого Последнего Гостя обхитрить можем, кобылу мне в жены?! – выпалил пораженный Кирт, хлопнув ладонью по бедру.

– Нет, – опустила я мечтателя с небес на землю. – Лишние жертвы собирать ему самому лень, поэтому порой могу видеть, как избегнуть возможной гибели. Но если смерть за кем наверняка прийти собралась, то меток я не рассмотрю. Так что не расслабляйтесь!

– Спасибо, что сказала, – склонил голову набок в знак признательности Керт.

– Ваше выживание – залог моего, – развела я руками, берясь за вторую рубашку и вновь пытаясь ввести себя в состояние рефлекторной штопки.

Черные пятна на Керте благополучно выцветали, возвращая крохи спокойствия.

Совсем спокойным в моих обстоятельствах смог бы быть, наверное, только йог со стажем или профи-психиатр. Этих товарищей после работы со специфическим контингентом вообще ничем не прошибешь!

В очередной раз оказав услугу Смерти, я продолжила штопку. Мужчины вновь принялись за экстремальную стирку. Через полчаса у нас уже имелись относительно целые и чистые (весьма относительно, потому что мыло, порошок и горячая вода в комплект попаданца не входили) вещи. Заодно из остатков плаща бедолаги Тимаса я сшила заплечную сумку. Ее тут же прибрал к рукам Кирт, чтобы упаковать весь наш нехитрый скарб.

Нацепив подсыхающую одежду (тоненький плащ Ким стирали первым, и он успел просушиться лучше других вещей), наша троица устроила маленькое совещание. Говорить под шум своенравной речушки даже на небольшом расстоянии друг от друга, перекрикивая ее, не слишком удобно. Но орать в ущелье? Не-э, выжить после падения, чтобы затем ненароком спровоцировать обвал, никому не хотелось. Поэтому присели кружком и склонили головы поближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/firsanova_yuliya/klyuchi-ushedshego-boga

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити